

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЦЕЛЕВОЙ УСТАНОВКИ (на примере лирического жанра инвективы)

*Работа представлена кафедрой русской литературы.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Л. Е. Ляпина*

В статье предлагается и обосновывается новый аспект в изучении инвективы, основанный на рассмотрении лирического жанра как целостного высказывания, обладающего специфической целевой установкой; целевая установка, определяемая планом содержания и особенностями поэтики, исследуется применительно к прямым и косвенным адресатам произведения.

The article presents and justifies a new aspect of analysis of invective, based on examination of the genre as a complete verbal act, which has its own specific intention. This intention, determined by the content, specific of poetics, is analysed relating to direct and indirect recipients of text.

Вопрос взаимосвязи жанра с целевой установкой и «речевым замыслом» говорящего или пишущего был поставлен М. М. Бахтиным в контексте выдвинутой им теории речевых жанров¹. Бахтин относил свое высказывание к речевым жанрам, оговаривая, однако, что к этой категории относятся не только «первичные» жанры разговорного языка, но и «вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода», которые «в процессе своего формирования <...> вбирают в себя и перерабатывают различные простые (первичные) жанры, сложившиеся в процессе непосредственного речевого общения»². Возвращаясь к исходным предпосылкам Бахтина, мы считаем перспективным обращение к литературным жанрам и проведение их анализа с точки зрения целевой установки и жанровых задач. Такой подход позволит, на наш взгляд, с одной стороны, выявить некоторые новые аспекты как плана содержания, так и плана восприятия жанра, с другой стороны – провести в некоторых случаях более четкую дифференциацию жанров. При этом необходимо помнить о том, что, с одной стороны, литературный жанр является вторичным речевым жанром, вбирающим в себя и перерабатывающим в себе первичные

жанры, однако, с другой стороны, в отличие от разговорной речи, литературный жанр в чистом его виде обладает более цельной структурой с точки зрения его целей и задач.

В пределах данной статьи рассмотрим с выше обозначенной перспективы жанр *инвективы*. Оговоримся, что под термином «инвектива» мы понимаем лирический жанр, уходящий корнями в античность (отсюда название), но активно формирующийся в европейской литературе в XVIII–XX вв., обладающий следующими константными и доминантными признаками:

- признаки константные: гнев/осуждение, непосредственно обращенное к лицу (группе лиц) или объекту (стране, народу, городу и т. п.), непременно персонифицированному;

- признаки доминантные: личная форма высказывания, формирующая субъектные отношения **я/мы – ты /вы**, ораторский тип интонации, угроза, настоящее время с переходом в будущее, амплификация как композиционный принцип³. Инвектива как литературный жанр – явление довольно специфическое. Во-первых, потому что она не существовала в жанровой номенклатуре русской поэзии и потому маркировалась самими поэтами как произведения

другого жанра (сатиры, эпиграммы, послания, песни и т. д.) или как внежанровая лирика⁴. Во-вторых, потому что во многих произведениях иных жанров появляются различные по объему фрагменты, обладающие инвективными признаками (прямое гневное обращение), что делает спорным вопрос о принадлежности данного произведения к интересующему нас жанру. Предполагаем, исследование целевой установки жанра позволит более убедительно ответить на этот вопрос.

Рассмотрение жанра как целостного высказывания должно принимать во внимание, что всякое высказывание «является продуктом действий (*речевых актов*), которые выполняются для того, чтобы оказать определенное воздействие на слушающего. Это воздействие обычно предполагает изменение убеждений или целей слушающего»⁵. Лирика по своей природе крайне эмотивна, т. е. ее воздействие на адресата производится посредством возбуждения определенных эмоций, поэтому анализ избранного лирического жанра с точки зрения его целевой установки будет поиском ответа на вопросы: какое воздействие оказывает произведение данного жанра на адресата; посредством возбуждения каких эмоций это происходит; за счет чего вызываются данные эмоции, т. е. осуществляется речевое намерение и целевая установка?

В поисках ответа на эти вопросы рассмотрим, прежде всего, какова специфика плана содержания инвективы как жанра и, соответственно, – каков характер его воздействия на адресата. Анализ, проведенный на материале произведений русской и польской поэзии XVIII–XX вв.⁶, обладающих всеми вышеперечисленными признаками жанра, позволяет сделать следующие выводы. Содержание инвективы придерживается четкой структуры античной риторики «тезис – доказательство – вывод», где тезисом является обвинение («ты – преступник»), доказательством – перечисление/описание злодеяний, а выводом – угроза («ты понесешь наказание за свое преступ-

ление»). При этом такая семантическая структура не совпадает с традиционной для лирики триадой «зачин – разработка – концовка», т. к. ее элементы встречаются в инвективах в самой разнообразной последовательности: вывод-угроза может стоять в начале («Властителям и судиям» Державина), тезис-обвинение может сливаться с аргументацией («К временщику» Рылеева) или появляться в конце произведения («Смерть поэта» Лермонтова) и т. п. За счет константной семантической структуры в инвективе выстраивается характерная для этого жанра картина мира, в котором зло наказывается (или будет наказано), а справедливость торжествует / будет торжествовать.

Целью описанной семантической структуры является оказание определенного воздействия на адресата. При этом воздействие, которое инвектива призвана оказать на прямого адресата (см., например, инвективу польского поэта Мауриция Гославского «Адаму Мицкевичу, пребывающему в Риме во время народной войны», написанную в 1830 году), принципиально отлично от воздействия на адресатов косвенных (слушателей/читателей и автора как адресата). Нам уже приходилось писать о коммуникативной структуре инвективы, в которой мы выделяем четыре уровня коммуникации: 1) Автор → A1 (где A1 = прямой адресат, т. е. реальное лицо, к которому обращена инвектива); 2) Автор → A2 (где A2 = автор, т. е. имеет место автокоммуникация); 3) Автор → A3 (где A3 = читатель-современник); 4) Автор → A4 (где A4 = читатель вообще)⁷. На уровне прямого адресата ожидаемым результатом – целевой установкой – такого воздействия является чувство раскаяния, стыда или страха и как результат – побуждение объекта к прекращению определенного действия.

На уровне автоадресата целевой установкой такого высказывания представляется не столько возбуждение, сколько выплеск эмоций, своего рода катарсис, а также – преодоление страха за счет элементов осмеяния объекта (ср., например, инвективу

Т. Холуя «Наверное», написанную в 1944 г. в Освенциме, где он так обращается к немецким солдатам: «Голубочки, голубочки переполоханные, / дрожит карабин в посиневших ручках...»⁸ и угрозы, что характерно при обращении к более могущественному, нежели субъект, адресату (ср., например, «Перуанец к испанцу» Гнедича).

На третьем и четвертом уровнях адресации целевую установку жанра как целостного высказывания следует, на наш взгляд, сформулировать следующим образом: «1. X совершил плохой поступок. 2. X будет за это наказан. 3. Хочу, чтобы ты знал об этом. 4. Хочу, чтобы ты почувствовал то же, что и я. 5. Хочу через «4» вызвать определенную реакцию в виде действия». Искомое воздействие на адресата заключается в возбуждении эмоций гнева и побуждении к действию. Действие на уровне Автор → А3 может быть вполне конкретным, как, например, участие в вооруженном восстании (ср. польские инвективы периода второй мировой войны, где прямым адресатом является враг – немец, фашист); на уровне Автор → А4 оно будет ограничиваться «активным ответным пониманием», тем, что Бахтин называл «действием, отложенным во времени», отражающемся в определенных поступках, поведении, общественной позиции и т. д.⁹

Таким образом, как план содержания, выстраивающий определенную модель мира, так и план восприятия инвективы как жанра обладают ярко выраженной целевой установкой – оказать конкретное эмоциональное воздействие на каждом из уровней адресации, т. е. вызвать раскаяние или страх у прямого адресата, гнев (иногда жажда мести) – у читателя/слушателя, обеспечить выплеск эмоций на уровне автоадресации; а также побудить как прямого, так и косвенного адресата к определенному действию ? прекращению действия.

Рассмотрим с предложенной точки зрения два произведения, содержащие элементы, присущие жанру инвективы. В первом – «О, как убийственно мы любим!» Тютчева

(1851) – пять из десяти строф содержат прямое обращение и обвинение / упрек («Давно ль, гордясь своей победой / Ты говорил – она моя ...») – т. е. налицо основной константный (гневное прямое обращение к конкретному лицу) и доминантный (субъектные отношения я/ты) признаки инвективы. Информативная часть данного произведения как высказывания также строится по принципу «тезис – доказательство – вывод». Тезис, звучащий как самообвинение – автоинвектива («О, как убийственно мы любим!»), затем доказывается на конкретном примере – любовь объекта оказалась губительной для его возлюбленной, вся жизнь ее превратилась в страдание, осталась лишь боль «без отрады и без слез». Однако вывод, следующий за доказательством – «О, как убийственно мы любим!», не только не говорит о наказании виновного за содеянное, но, повторяя «обвинение», парадоксально снимает его, заменяет сентенцией, наблюдениями и анализом сущности жестокой человеческой природы и любви как одного из ее проявлений. Вторичный переход от «ты» к «мы» расширяет горизонт наблюдения, переводя его на общечеловеческий – и одновременно философский уровень. В страданиях и боли возлюбленной оказывается виноватым не герой – объект, но человеческая природа, а потому здесь некого винить и некого наказывать. Структура и композиция произведения соответствуют иной, нежели у инвективы, целевой установке – вызвать рефлексию по поводу сущности бытия, что характерно для философской лирики.

Иначе строится произведение Марии Кастеллатти «Месть» (1943 г.). Оно содержит лишь 4 строки, содержащие гневное прямое обращение. Из 50 коротких строк произведения 40 посвящены описанию партизанской диверсии в оккупированной немцами Варшаве, после чего появляется информатив: «сегодня / расстреляно / сто / поляков», затем следует пуант: «за это черти вас побрали, ах, разбойники, шельмы, ах, негодяи!». Большая часть произведения – опи-

сание действий партизан – является планом субъекта, создающим определенный эмоциональный накал. Однако основную тональность произведения создает трехчленная семантическая структура: тезис-обвинение («разбойники, шельмы, ах, негодяи!»), доказательство («сегодня / расстреляно / сто / поляков»), вывод-угроза («за это черти вас побрали»), за счет чего прямое гневное обличение, занимающее лишь четыре строки из пятидесяти, решает все задачи, которые ставит перед собой инвектива как жанр: катарсис на уровне субъекта, гнев, осуждение и побуждение к дей-

ствию – на уровне читателя. Здесь же за счет этих 4 строк и композиции выстраивается характерная для жанра инвективы картина мира, в котором зло наказывается, а справедливость торжествует – что позволяет с уверенностью причислить данное произведение к образцам жанра инвективы.

Подводя итоги, можно сказать, что описанный подход позволяет выявить новый аспект жанровой специфики; он представляется, в частности, продуктивным для использования в качестве инструмента жанровой дифференциации в работах по сравнительному и жанровому анализу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См: *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 260–261 и далее.

² *Бахтин М. М.* Указ. соч. С. 252.

³ Об этом см: *Матяш С. А.* Инвектива в русской поэзии // Человек и общество: Материалы межд. науч.-практ. конф. Ч. 3. Оренбург, 2001. С. 101–104; *Он же.* Жанр инвективы в русской поэзии: вопросы статуса, типологии, генезиса // Феномен русской классики. Томск, 2004. С. 17–32; см. также: *Анненкова Н. А.* Сатира и инвектива в поэзии М. Ю. Лермонтова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. С. 15–16; *Краковяк А. С., Матяш С. А.* Проблема жанра инвективы в свете субъектно-системного подхода (на материале русской и польской поэзии периода второй мировой войны) // Проблемы поэтики и истории русской литературы XIX–XX веков / Межд. сб. науч. статей. Самара, 2005. С. 70–85 и др.

⁴ См. об этом: *Матяш С. А.* Жанр инвективы... С. 19–22.

⁵ *Аллен Дж. Ф., Перро Р.* Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. Сб. М.: Прогресс. 1986. С. 323.

⁶ В данную группу вошли следующие произведения: Державин «Властителям и судьям» (1787); Гнедич «Перуанец к испанцу» (1805); Милонов «К Рубеллию» (1810); Рылеев «К временщику» (1820); Кюхельбекер «Пророчество» (1822), «Проклятие» (1822), «Участь поэтов» (1823), «<На смерть Чернова>» (1825), «Клеветнику» (1846); Лермонтов «К N.N» (1829), «30 июля (Париж) 1830 года» (1830), «К ***» (1830), «К Н.И.» (1830), «Смерть поэта» (1837), «Дума» (1841); Губер «На смерть Пушкина» (1837); Тютчев «На новый 1816 год» (1816), «14-е декабря 1825» (1826), ««Нет, карлик мой!»» (1850); Ап. Григорьев «Героям нашего времени» (1845), «Город» (1845), «Прощание с Петербургом» (1846); Маяковский «Нате!» (1913), «Вам!» (1915); Ахматова «А, ты думал, я тоже такая...» (1921); «Ты – отступник. За остров зеленый...» (1921).

Napierski [Antoni Lange] «Z dymem pożaryw» 1889, «A ty, dusz trucicielu...» 1900–1905 (Наперский [Антони Ланге] «С дымом пожаров», «А ты, душ отравитель...»); *M. Gosiawski* «Do Adama Mickiewicza bawiącego w Rzymie podczas wojny narodowej» (М. Гославски «Адаму Мицкевичу, пребывающему в Риме во время народной войны») 1830; *G. Ehrenberg* «Szlachta w roku 1831» (Г. Эренберг «Шляхта в 1831 году») 1832; *K. Brzozowski* «Rewolucjonista» (К. Бжозовски «Революционер») 1860-е гг.; *J. Szujski* «Do egzaltowanych» (Й. Шуйски «Экзальтированным») 1860–1870-е гг.; *V. Aspis* «Pontius Pilatus» (Б. Аспис «Понтий Пилат») 1860–1870-е гг.; *A. Pilecki* «Wy nie prorocy!», «Fiat pax» (А. Пилецкий «Вы не пророки!», «Fiat pax») 1880–84; *M. Bortusywna* «Aktorka» М. Бортусувна «Актриса» 1876; *S. Dobrowolski* «Na ojczyznę romantyków» (С. Добровольски «На отчизну романтиков») 1931; *J. Grot* «Motyw z Heinego» (Ю. Грот «Мотив из Гейне») 1930-е; *A. Sionimski* «Czarna wiosna» (А. Слонимски «Черная весна») 1930-е; *Anonim* «Eks-krył kapital» (Аноним «Экс-король капитал») 1930-е; *S. Gąsiorowski* «Wy nas nie straszcie...» (С. Гонсеровски «Вы нас не пугай-

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

те...») 1930–1939; S. Stande «Nadzwyczajne wydanie» 1925, «Niektórym» 1930-е (С. Станде «Специальное издание», «Некоторым») 1925; A. Nawryluk «Bereza» (А. Хаврылюк «Береза») 1937; A. Stern «Anielski cham» (А. Стерн «Ангельский хам») 1920-е гг.; Marian Czuchnowski «Czerwona odpowiedź: policzek wam» (М. Чухновски «Красный ответ: пощечина вам» 1920-е; E. Szymacski «Nam i wam», «Do mieszkańców Marsa» (Э. Шиманьски «Нам и вам», «Жителям Марса») 1920-е гг.; E. Broniewski «Prawodawcom» (Э. Броневски «Законодателям») 1920-е гг.; L. Piwowar «Niech żyje Polska», «Zdanie wiesowe» (Л. Пивовар «Да здравствует Польша», «Слово на митинге») 1920–1930-е гг.

Перевод заголовков и цитируемых текстов польских поэтов выполнен автором настоящей статьи.

Русские и польские произведения второй мировой войны перечислены в работе: *Краковяк А. С., Матяш С. А.* Проблема жанра инвективы в свете субъектно-системного подхода....С. 80 (14 произведений советской и 16 – польской поэзии)

⁷ *Краковяк А. С.* Угроза как элемент поэтики жанра инвективы // Герценовские чтения 2007 (в печати).

⁸ Hoiuj Tadeusz. Na pewno // Jan Szczawiej. Poezja Polski walczącej, 1939–1945. Antologia. T. 1. Warszawa: Państwowy Instytut wydawniczy, 1974. S. 1082.

⁹ *Бахтин М. М.* Указ. соч. С. 260.